

нительно к гражданско-правовой ответственности следует рассмотреть роль и значение вины, которая в гражданском праве не имеет такого значения, как в уголовном или административном праве.

В существующей системе законодательства о гражданско-правовой ответственности можно было бы отказаться от повышенной (безвиновной) ответственности предпринимателей, а в дальнейшем было бы целесообразно установить безвиновную ответственность всех субъектов гражданского права, ограничив ее форс-мажором в западном его понимании, т. е. существенно расширить пределы применения непреодолимой силы.

5. Из других способов защиты гражданских прав наибольшие сложности возникают в Казахстане с признанием сделки недействительной. В Казахстане отсутствует деление сделок на ничтожные и оспоримые. В связи с этим на практике возникает много проблем. В частности, любая сделка, даже явно незаконная, даже заведомо противная основам правопорядка или нравственности, может быть признана недействительной только по решению суда. Следовательно, с пропуском исковой давности даже такую сделку уже нельзя признать недействительной. Не разработано в Казахстане понятие несовершеннолетних (незаклученных) сделок.

Список использованных источников

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т.1 / под ред. А.П. Сергеева. - М.: ТК Велби, 2008.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. - М.: БЕК, 1994.
3. Российское гражданское право. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. - М.: Статут, 2010.
4. *Назарбаев, Б.Б.* Советское гражданское право Казахской ССР. Вып. 1 // Б.Б. Назарбаев, Ю.Г. Басин, М.А. Ваксберг, С.И. Меерзон. - Алма-Ата, 1948.

**РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ
И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

*Суханов Е.А., Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки Российской Федерации*

С принятием четвертой части Гражданского кодекса РФ в конце 2006 г. была завершена третья кодификация российского гражданского законодательства, обеспечивающая становление и развитие цивилизованных рыночных отношений. Но почти одновременно выявилась и необходимость его совершенствования, ибо основные, первые части кодекса разрабатывались в условиях, когда Российская Федерация делала лишь первые шаги по пути рыночного развития и никто в полной мере не представлял себе ни многообразия правовых форм, в которых будет реализовываться провозглашенная Конституцией свобода экономической деятельности, ни пределов этой свободы [3, с. 152]. Более того, по справедливому замечанию А.Л. Маковского, «переход от административно-плановой экономики к рыночной экономике социального государства не закончился ни в мае 1991 года, когда были приняты Основы гражданского законода-

тельства, ни даже в октябре 1994 г., когда стала законом часть первая ГК. Возможно, он не завершился еще и сейчас. И часть первая ГК больше других нуждается в совершенствовании совсем не только потому, что она «старше» других его частей» [1, с. 46].

Незавершенность перехода к новому общественному строю несоответствующий ему переходный характер гражданского законодательства выражаются в двух главных аспектах: 1) новые отношения собственности почти не затронули сферу землепользования, поскольку правовой режим и оборот земельных участков как недвижимых вещей по советской традиции, обусловленной национализацией земли и отказом от категории вещных прав, регулируется в основном земельным, а не гражданским законодательством, причем далеко не лучшим образом даже с юридико-технической точки зрения; 2) в гражданском обороте по-прежнему действуют не соответствующие новым условиям хозяйствования юридические лица-несобственники (унитарные предприятия и учреждения), неизвестные обычным правовым порядкам, а коммерческие корпорации демонстрируют слишком много злоупотреблений и слишком мало экономической и социальной эффективности.

В связи с этим 18 июля 2008 г. был принят Указ Президента РФ № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором была поставлена задача «разработки концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и проектов федеральных законов о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации». По существу им были определены три основных направления работы: 1) совершенствование гражданско-правового оформления отношений собственности (вещное право); 2) уточнение статуса юридических лиц (корпоративное право); 3) учет накопленной судебной практики (в значительной мере касающейся обязательственного права). Это не исключало возможности развития других институтов гражданского права и соответствующих им разделов ГК, прежде всего, его общих положений, но также и разделов об интеллектуальных правах и о международном частном праве.

Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и Исследовательским центром частного права при Президенте РФ были созданы рабочие группы по подготовке отдельных концепций развития законодательства об общих положениях Гражданского кодекса, о юридических лицах, о вещном праве, об общих положениях обязательственного права, о ценных бумагах и финансовых сделках, о международном частном праве, об интеллектуальных правах. На их основе сводной рабочей группой была создана единая Концепция развития гражданского законодательства РФ, которая после различных обсуждений и доработки была утверждена Президентом РФ 7 октября 2009 г. [2, с. 11-14]. В свою очередь, эта Концепция составила основу для разработки законопроекта о внесении соответствующих изменений и дополнений в соответствующие разделы Гражданского кодекса РФ, который был представлен Президенту РФ 30 декабря 2010 г. В течение 2011 г. законопроект обсуждался с различными министерствами и ведомствами, особенно и главным

образом - с Министерством экономического развития РФ. После учета замечаний и выработки компромиссных решений 2 апреля 2012 г. он был внесен Президентом РФ в Государственную Думу РФ. 27 апреля 2012 г. законопроект был одобрен Государственной Думой РФ в первом чтении (концептуально), после чего был разделен на девять законопроектов, которые далее обсуждались и принимались по отдельности. Первый из них, касавшийся изменений в Общую часть ГК, был принят в декабре 2012 г., очередной (последний по времени) - в мае 2014 г. Не принятыми во втором и третьем чтении пока остаются важнейшие законопроекты, посвященные изменениям в вещное право и в общие положения об обязательствах и договорах.

Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ закрепил ряд принципиально важных, действительно концептуальных изменений и дополнений ГК, к числу которых можно отнести принцип (обязанность) добросовестности (пункты 3 и 4 ст. 1 ГК); закрепление обхода закона как формы злоупотребления правом (п. 1 ст. 10 ГК); появление решений собраний в качестве самостоятельного основания возникновения гражданских прав и обязанностей (гл. 9¹ ГК) и возможности признания их недействительными как способ защиты гражданских прав ст. 8 и 12 ГК. Федеральными законами от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ и от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ был внесен ряд важных уточнений и дополнений в нормы о недействительности сделок, представительстве и исковой давности, об объектах гражданских прав (где, в частности, появились подробно разработанные разделы о документарных и бездокументарных ценных бумагах, устанавливающие четкие различия в их гражданско-правовом режиме).

Главной концептуальной новеллой необходимо признать то обстоятельство, что корпоративные отношения теперь *expressis verbis* признаны законом составной частью предмета гражданского права (абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК). Это законодательное решение не стало неожиданным, ибо фактически корпоративные отношения давно регулировались актами гражданского законодательства, а в теории рассматривались и обсуждались именно цивилистической наукой. Ведь именно корпорации, а не унитарные организации составляют главный вид юридических лиц в современном рыночном хозяйстве. Поэтому в ГК теперь прямо закреплено деление юридических лиц на корпоративные и унитарные (ст. 65¹ ГК) и установлены общие правила как для всех корпораций, так и особо - для хозяйственных обществ как главной разновидности коммерческих корпораций (к которым также относятся хозяйственные товарищества и производственные кооперативы). Что касается некоммерческих организаций, то количество их самостоятельных разновидностей, предусмотренных отдельными федеральными законами (от 30 до 40), попытались значительно сократить и свести его к 4 видам, закрепив их исчерпывающий перечень (*numerus clausus*) непосредственно в Гражданском кодексе. В новой редакции п. 3 ст. 50 ГК к некоммерческим корпорациям отнесены: 1) потребительские кооперативы; 2) общественные организации граждан; 3) ассоциации (союзы), которые могут включать в свой состав как юридические лица, так и граждан; 4) товарищества собственников недвижимости (включающие в качестве разновидности товарищества собственников жилья).

К сожалению, в окончательном варианте изменений ГК в результате различных лоббистских действий, в том числе и со стороны публичной власти, в нем появились такие виды корпораций, как крестьянские (фермерские) хозяйства (ст. 86¹ ГК), которые ни в одном цивилизованном правовом порядке не считаются юридическими лицами, а также казачьи общества (ст. 124¹⁵ ГК) и общины малочисленных народов (ст. 123¹⁶ ГК). В этом же ряду находятся и хозяйственные партнерства, статус которых регулируется специальным Федеральным законом от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах». Они также представляют собой невиданный нигде в мире (даже в англо-американском праве) тип корпорации, наличие которого по замыслу их создателей будет активно содействовать привлечению «инвестиций в инновации». При этом организация деятельности таких «партнерств» построена по образцу некоего тайного общества, поскольку она регулируется не законом, а соглашением об управлении партнерством, содержание и даже факт наличия которого представляет собой абсолютную коммерческую тайну. Это однако не мешает участвовать в нем любым третьим лицам (не являющимся «партнерами»), причем в указанном соглашении допускаются любые отступления от традиционного принципа пропорциональности вкладов в имущество корпорации и участия в управлении ею, т. е. абсолютно произвольное распределение прав и обязанностей участников соглашения об управлении партнерством, никак не соответствующее размеру их имущественных вкладов (что, в частности, делает возможным фактическое управление такой корпорацией любыми третьими лицами, не сделавшими никаких вкладов в ее имущество и не несущими никакого риска и ответственности за свои действия). Впрочем, за время, прошедшее с момента вступления в силу указанного закона, не было отмечено «взрыва» интереса к этому новому виду корпораций со стороны бизнеса.

Идея «корпоративного соглашения», регулирующего взаимоотношения участников коммерческой корпорации (и даже третьих лиц) исключительно по их произволу, а не в соответствии с нормами закона, стала господствующей в острых дискуссиях об особенностях статуса хозяйственных обществ, которые разработчикам законопроекта пришлось вести с представителями Минэкономразвития РФ. Последним, в частности, удалось добиться закрепления новой редакцией ГК деления хозяйственных обществ на публичные и непубличные (ст. 66³) с тем, чтобы предоставить «непубличным» хозяйственным обществам (к которым отнесены не только не подпадающие под признаки публичных акционерных обществ, но и общества с ограниченной ответственностью) полную свободу в применении тайных «корпоративных соглашений». Тем самым в российский правовой порядок по существу внедрено англо-американское деление «предпринимательских корпораций» на публичные и частные. При этом оставлено без внимания то принципиально важное обстоятельство, что в англо-американском праве *businesscorporation* представляют собой разновидности одной организационно-правовой формы - *limitedcompanybyshares* (которая и существует там в двух разновидностях - *publiclimitedcompany* и *privatelimitedcompany*, или *closedcorporation*, впоследствии навязанных и российскому праву в виде ЗАО), тогда как в европейском континентальном (в том числе, и в российском) праве акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью яв-

ляются двумя различными организационно-правовыми формами, что исключает для ООО возможность стать «публичной корпорацией» (каковой может являться только акционерное общество).

Объяснением этому подходу является то обстоятельство, что различными органами и представителями публичной власти к законопроекту были предъявлены не вытекающие из его природы и содержания требования содействия «улучшению инвестиционного климата» и повышению места, занимаемого Россией в зарубежных рейтингах. Пути для решения этих страных для гражданско-права задач Минэкономразвития и стоящие за ним круги увидели в последовательной «либерализации» гражданского законодательства, безбрежном пространстве в нем диспозитивных норм, а главное - в его максимальном приближении к англо-американским образцам (а точнее - к их собственным представлениям о содержании и подходах, с их точки зрения, наиболее «передового» и «гибкого» англо-американского права). В области корпоративного права это выразилось в предложениях о полной отмене уставного капитала в хозяйственных обществах и введении корпоративных соглашений с участием любых третьих лиц (причем составляющих коммерческую тайну даже для других участников корпорации), в установлении деления корпораций на публичные и частные и т. д.; в области договорного (обязательственного) права - во введении (точнее, во «внедрении») норм об ответственности за несоблюдение «заверений об обстоятельствах» (*indemnity*), «эскроу-счетов», «неснижаемых неустоек», «безотзывных доверенностей» и некоторых других институтов. Остается лишь удивляться и радоваться тому, что в области вещного права даже представители Минэкономразвития РФ не стали навязывать вместо европейских ограниченных вещных прав на земельные участки англо-американские *legalestate* и *futureinterests*.

Необходимо особо подчеркнуть, что характерным для данного подхода стало не столько навязывание англо-американского опыта законодательного развития в целом, сколько «выдергивание» из него отдельных фрагментов. Ведь сторонники использования этого опыта в российском праве обычно сами не знают (либо умалчивают) о том, что "либерализация" корпоративного законодательства отдельными штатами в США давно уравновешена актами федерального законодательства, устанавливающими жесткую, в том числе уголовную ответственность за нарушение прав миноритариев. Во всяком случае, никто из них никогда даже не упоминал о правилах принятого еще в 1970 г. Федерального Закона о противодействии последствиям организованного обмана и коррупции (*Federal Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act*) - знаменитого *RICO*, который давно вывел иски к корпоративному менеджменту из-под действия «либерального» законодательства отдельных штатов. Таким же молчанием обходится и то обстоятельство, что вместо требований к минимальному уставному капиталу корпораций американское право давно установило жесткую систему «проверки на состоятельность» (*Solvencytest*) при любом распределении имущества корпорации. А после скандального банкротства компании «Энрон» и ряда других компаний в июле 2002 г. был принят специальный Закон о реформе отчетности публичных компаний и защите инвесторов (*Public Company Ac-*

countingReformandInvestorProtectionActof 2002, известный как *Sarbanes-OxleyAct*), который предусматривает весьма серьезную уголовную и административную ответственность за фальсификацию отчетности, лежащей в основе «*Solvencytest*». В результате этого и в американском корпоративном праве законодательно закреплен баланс интересов бизнеса, акционеров и кредиторов, в известной мере аналогичный европейскому, а само это право в действительности является гораздо более жестким, чем европейское.

Представители рабочей группы по подготовке изменений в ГК всегда решительно возражали против попыток решать с его помощью сугубо экономические задачи «снижения транзакционных издержек» и «эффективного управления денежными потоками». Энтузиастам «экономизации гражданского права», обывавшимся и среди юристов (упрекающих своих коллег в том, что «для них юридический инструментарий часто оказывается превыше экономических реалий»), стоит напомнить о том, что согласно Дигестам Юстиниана «право получило свое название от (слова) «справедливость», ибо согласно превосходному определению Цельса право есть искусство доброго и справедливого» (*iusestarsbonietaequi - D.I.1!*), а вовсе не искусство «снижения экономических издержек». Иначе говоря, право, в том числе гражданское, имеет нравственную основу, а от судьбы стороны ждут справедливого разрешения своего спора, а не «эффективного распределения» *transactioncosts*. Более того, с позиций лежащего в основе рассматриваемых взглядов американского учения *Law&Economic* в принципе невозможно объяснить ряд важнейших институтов европейского гражданского права, тем более, выходящих за рамки регулирования договорных взаимосвязей предпринимателей, например, запрет злоупотребления правом или защиту фактического владения.

К сожалению, в результате мощного давления со стороны, главным образом, бизнес-сообщества и открыто выражающего его интересы Минэкономразвития РФ законы и законопроекты об изменениях ГК во многих отношениях далеко отошли от идей и положений Концепции развития гражданского законодательства РФ и основанного на ней первоначального законопроекта, закрепив ряд различных вынужденных компромиссов. В результате этого тщательно разработанная доктринальная основа Гражданского кодекса как одного из наиболее фундаментальных актов действующего российского законодательства в ряде положений была серьезно искажена, что можно видеть на примере норм корпоративного права.

Серьезной структурной и содержательной доработке должен подвергнуться раздел ГК о праве собственности и других вещных правах, который предлагается существенно расширить и переименовать в раздел «Вещное право». По образцу классических европейских гражданских кодексов его предполагается дополнить специальными нормами о владении и его гражданско-правовой защите. Предусмотрено значительное расширение круга ограниченных вещных прав на земельные участки. Предполагается включение в ГК специальных норм о праве застройки, праве постоянного владения и пользования земельным участком (аналогичном известной римской конструкции эмфитевзиса), праве личного

пользования (примерно аналогичном узуфрукту), праве приобретения чужой недвижимой вещи и праве вещных выдач. Вещно-правовая защита вещных прав не должна будет использоваться для защиты прав иных титульных владельцев вещей (обладающих ими в силу различных договоров, прежде всего - арендаторов), как это имеет место в настоящее время. В результате предполагаемых изменений раздела ГК о вещном праве соответствующие нормы Земельного кодекса должны быть исключены из него, а сам Земельный кодекс в полном соответствии с юридической природой земельного права превратится в акт публично-правовой кодификации. Однако судьба законопроекта об изменениях российского вещного права пока остается неясной.

В целом же общее направление подготовленных изменений в вещном праве заключается в последовательном приближении (или в постепенном возвращении) к классическим европейским континентальным подходам. С этой точки зрения стоит отметить, что здесь российское гражданское законодательство следует в общем русле преобразований, осуществляемых большинством других стран Восточной и Центральной Европы, которые сейчас также реформировали или реформируют свое гражданское законодательство. Речь идет прежде о новых или обновленных гражданских кодексах Чехии, Польши, Венгрии, Румынии, Словакии, прибалтийских государств, кодифицированных законах балканских стран, которые также закрепляют защиту фактического владения и систему ограниченных вещных прав на земельные участки.

В целом же можно отметить, что ряд принятых и намеченных изменений российского гражданского права, в том числе, в области корпоративных отношений, несомненно, носят позитивный характер и вместе с предстоящей реформой вещного и обязательственного права дают основания для вывода о том, что последовательное обновление российского Гражданского кодекса в целом все же станет значительным шагом в правильном направлении совершенствования российского гражданского законодательства.

Список использованных источников

1. *Маковский, А.Л.* Три кодификации отечественного гражданского права (вместо предисловия, введения и послесловия) / А.Л. Маковский. О кодификации гражданского права (1922 - 2006). - М., 2010.
2. *Маковский, А.Л.* О Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации / А.Л. Маковский. - М., 2009.
3. *Медведев, Д.А.* О кодификации гражданского законодательства (извлечения из публикаций) / Д.А. Медведев // Вестник гражданского права. - 2008. - № 3.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Теребей А.П., Белорусский государственный университет

Одним из основных прав потребителей, закрепленных Законом Республики Беларусь от 9 января 2002 г. «О защите прав потребителей» (далее - Закон), является право на получение необходимой и достоверной информации о предлагаемых товарах (работах, услугах), соответствующей установленным законода-